

Трансвитальное Я: опыт персонологии

В.А. Петровский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИИ ВШЭ», Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

В статье обосновывается идея существования «трансвитального Я» — особой формы бытия индивида за пределами наличных форм его жизнедеятельности, процессов воспроизводства себя как психофизической целостности. Отталкиваясь от термина «трансвитальность» в словосочетании «трансвитальные смыслы» (А.С. Акопян), автор рассматривает «трансвитальность» в более общем плане, как единое обозначение для гипотетического класса психологических феноменов, включающего в себя «трансвитальные смыслы», но в целом к ним не сводимых. На материале культуры и собственных экспериментальных исследований, а также фрагментов психологического консультирования рассматриваются три формы трансвитального Я: *над*-витальное Я (активно-неадаптивное, аутентично-субъектное), *мета*-витальное Я (идеально продолженное, отраженно-субъектное), *кросс*-витальное Я (единосущное, всебытийное).

Ключевые слова: Я, субъектность, бытие в другом, над-адаптивность, архетип, трансвитальность, «вечность».

Для цитаты: Петровский В.А. Трансвитальное Я: опыт персонологии // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 3. С. 13–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190302>

The Transvital Self: The Experience of Personology

Vadim Petrovsky

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

The paper substantiates the concept of the existence of a “transvital Self”, a particular form of an individual’s existence beyond the apparent forms of vital function and the processes of reproducing self as a psychophysical integrity. The author uses the term “transvitality” (as in A. Akopyan’s “transvital meanings”) to more generally address this concept as a holistic denotation for a hypothetical category of psychological phenomena, including “transvital meanings”. Using the material as exemplified in culture and based on his own experimental studies and elements of psychological counseling, the author considers three forms of transvital Self: *supra*-vital Self (actively non-adaptive, authentic-subjective), *meta*-vital Self (ideally continued, reflected-subjective), and *cross*-vital Self (coessential, pan-existential).

Keywords: Self, subjectness, existence in the Other, supra-adaptability, “We” archetype, “eternity”.

For citation: Petrovsky V.A. The Transvital Self: The Experience of Personology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2023. Vol. 19, no. 3, pp. 13–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190302>

Введение

Новый, и весьма эвристичный, термин «трансвитальность» был впервые введен в тезаурус современной психологии личности в работе Л.С. Акопян [2, с. 12]. В статьях Акопян речь идет о «трансвитальных

смыслах», воплощающих в себе стремление людей (особенно пожилого возраста) к постжизненному продолжению, желание оставить после себя память в делах, идеях, в созданных материальных и нематериальных ценностях, в потомках. «Трансвитальные смыслы», на наш взгляд, воплощают в себе то, что

мы понимаем под потребностью в персонализации, т. е. стремлением человека обрести свою идеальную представленность и продолженность в других людях, а оно (это стремление), в свою очередь, трактуется нами как проявление фундаментальной человеческой потребности в бессмертии [22; 25].

Должно отметить, однако, что новый термин потенцирует нечто большее, чем «трансвита́льные смыслы». Значение этого термина включает в себя, на наш взгляд, ряд взаимосвязанных феноменов, каждый из которых заслуживает особого внимания. Речь идет о многообразных формах существования Я («Я есмь»), не совпадающих с проявлениями жизнедеятельности индивида в системе процессов воспроизводства его психофизической целостности.

Цель исследования — обосновать возможность существования трансвита́льного Я как особого феномена бытия человека *на* границе и *за* («по ту сторону») наличных форм его жизнедеятельности.

Методы исследования. В работе реализуются исследовательские принципы общей персонологии [28], [33]: анализ текстов культуры, свидетельств сознания и биографических данных людей, авторские экспериментальные методы («виртуальной субъектности», «отраженной субъектности», мультисубъектные диалоги в консультативном процессе).

1. Идея трансвита́льности

В данной работе рассматривается одна из центральных проблем «вершинной психологии» (Л.С. Выготский) — проблема Я. Среди многих других аспектов проблемы — феномен *присутствия* Я в мире «за пределами» или «по ту сторону» его личного бытия как индивида, вне задачи *воспроизводства* себя как психофизической целостности. Привлекается достаточно новый для психологии термин *трансвита́льность*. В своем исходном значении он связан с ответом на фундаментальный вопрос бытия: «Что останется от меня в мире после моего ухода из жизни?» [2]¹. Таков важный, но, как представляется, не единственный смысл данного термина.

Купно могут быть выделены три смысла, равно важных и критически незаменимых в понимании «Я» как трансвита́льного существа.

1.1. Над-вита́льное Я

Исходя из понимания *индивида* как психофизического целого [30] и *вита́льности* (жизнь *per se*) как совокупности процессов воспроизводства индивида, мы говорим о том, что ценность человеческого бытия, очевидно, выше способности человека соотноситься с миром, адаптироваться, реализуя природные

побуждения и присвоенные социальные требования (пусть даже преломленные сквозь собственный опыт) [31]. Но факт или, может быть, «драма» человеческого бытия состоит также в том, что вита́льные, жизненные устремления человека нередко противоречат себе самим, как бы «поворачиваясь» против себя: «Жить значит умирать» (вита́льность оборачивается летальностью); «Есть болезнь, от которой умирают все» (это жизнь), «Шел в комнату — попал в другую»; искали библиотеку Ивана Грозного, а раскрыли нечто, к «духовому» отношению не имеющее. Человек ставит перед собой цель и в итоге промахиывается, — иногда действуя при этом в свою пользу (условно, находит клад), иногда — себе во вред; «жизненный порыв» (патетика жизни), драматически «порывает» с жизнью, не превращаясь в «прорыв»²; такое случается в познании, любви, бизнесе, изобретательстве. Прибегая к метафоре: «Черный лебедь» [Тaleb, 2012] живет в людях и «клюет» их то в мозг, то в сердце, то в печень; человек — «генератор неопределенности» (А.Г. Асмолов [2]), теряет контроль за последствиями того, что делает и как живет; теряет свою субъектность.

Трансвита́льность, в первом ее значении, есть путь утверждения *субъектности* как таковой — *аутентичной субъектности*³, т. е. способности контролировать результаты своих выборов даже тогда, когда гарантировать достижения желаемого невозможно. Субъектность в этом случае определяется тем, что отсутствие гарантий побуждает человека ставить перед собой цель, которая, возможно, не будет достигнута. В этом и только в этом случае человек, как ни парадоксально, способен контролировать исходы своих действий (предвидя успех или неудачу заранее). Намеренный выбор *непредреши́нного* противостоит *вита́льности*, как тенденции к гарантированному воспроизводству того, что есть или было. В этом состоит суть *активной неадаптивности* (Петровский [27; 31]); здесь *вызов* провоцирует *выбор*: приманивает непредсказуемостью, непрогнозируемостью ожидаемых исходов действия.

Приметы трансвита́льности мы отмечаем в познании, творчестве, общении с близкими и дальними. Нам открывается класс явлений аутентичной субъектности: отказ от подсказки при решении трудных задач [14; 27]; «презумпция существования решения» при неизвестности, существует ли решение в принципе [27]; постановка проблем на месте решенной задачи [34; 5; [17]; совершение «инверсивных действий» [16]; «нереактивное» соиздание сложности задач [44].

Биографические примеры.

Отец венгерского математика Я. Бойаи, сам математик, заклинал своего сына не браться за дока-

¹ Л.С. Акопян тщательно исследовала страхи людей на разных этапах возрастного развития, и, что особенно важно в контексте настоящего рассмотрения, — условий преодоления страха смерти в преклонном возрасте через актуализацию «трансвита́льных смыслов».

² Из выступлений В.П. Зинченко об одной из работ коллеги: «Это был порыв (по Бергсону), но отнюдь не прорыв».

³ Говорим об аутентичной субъектности, так как термин «субъектность», определенный нами как *causa sui* [27] и давший название докторской диссертации, практически не использовался психологами в те годы, а сегодня используется в расширительном смысле, означая целенаправленность, произвольность, действительность и т. п.

зательство V постулата Эвклида (бывали случаи сумасшествия на этой почве), но тот, вопреки совету отца, послушался и, параллельно с Лобачевским, обессмертил себя, создав неевклидову геометрию.

Сходный пример, поясняющий идею трансвитальности в аспекте неадаптивности. Николай Лобачевский, в отличие от Гаусса, рискнул опубликовать свою противоречащую всем канонам геометрию (впрочем, осторожно названную «воображаемой») и заслужил множество нарекания со стороны окружающих. Очевидно, что бессмертие в памяти поколений и бессмертие в глазах современников суть разные вещи. Так, на похоронах Лобачевского, высоким деятелям математики и просвещения не должно было говорить о причуде ученого, с его «воображаемой геометрией», в то время как о первом ректоре Казанского университета, Н.Н. Лобачевском, говорить вполне приличествовало. Впрочем, — с купюрами. В искренней печальной надгробной речи профессора Н.Н. Булича ничего не было сказано о «воображаемой геометрии» Лобачевского, но и оратор заслужил порицания; он навлек на себя обвинение в атеизме и политической неблагонадежности по доносу тогдашнего ректора духовной академии [об этой речи см.: 11].

Что нам известно о юности «неадаптивного» Лобачевского? «Обучаясь за казенный счет, он жил практически в казарменных условиях: не мог свободно покинуть гимназию и университет и видаться даже с матерью, обязан был следовать строгому расписанию и дисциплине. Тем не менее, юноша рос свобододолюбивым и упрямым. Любил, как говорят, пошалить. Его имя 33 раза было вписано в специальную книгу нарушений — кондуит. Лобачевский катался на корове; на спор перепрыгивал тучного профессора Никольского; ходил на маскарады, несмотря на запрет; пускал ракету в университетском дворе. За последний проступок он отсидел трое суток в камере — тогда это была воспитательная мера. За участие в маскарадах Лобачевского чуть не отчислили и не отправили в солдаты... В зрелости Лобачевский был не единственным математиком, приблизившимся к открытию неевклидовой геометрии. Но именно Лобачевский первым опубликовал труд, бросающий вызов всем бытовавшим до этого в математике представлениям. Он, единственный, активно продолжил работать над неевклидовой геометрией и печатать об этом свои труды, несмотря на обрушившуюся критику <...> «Современники считали Лобачевского ученым-фриком. Научного признания при жизни он так и не увидел, а умер в нищете» [7]. Соответствующая «критика» (не могу не поставить кавычки) работ Ло-

бачевского была сокрушительной (позволю себе более точное эмоциональное слово — *омерзительной*)⁴.

Есть три варианта исхода, когда человек — неадаптивно — принимает вызов.

Первый вариант — история героя «Преступления и наказания» Родиона Раскольникова и сходные истории. Раскольников... Он, как известно, «осмелиться захотел», он хотел доказать, что он «не вошь» и «не тварь дрожащая». Для этого и поступил продуманно: взял и убил старуху. Проявил «свободу» собственной воли. Финал: каторга и раскаянье, и далее утешение в лице Сонечки. Получается: Преступление — Наказание — Искупление — Утешение? Субъектность испытана и как будто доказана. Но какова цена и ценность этого испытания?⁵

Второй вариант исхода — пролет В. Чкалова под Троицким мостом в Ленинграде, с последующим исключением летчика из ВВС за хулиганский поступок и восхищением в глазах народа.

Третий вариант — «действую на свой страх и риск и побеждаю». Пример — известное летчикам явление флаттера, болтанки самолета при переходе сверхзвукового барьера (выделен как особый психологический феномен И.М. Шмелевым, и описывается нами как вариант *овладевающего поведения* (не путать с «совладающим» поведением, копингом) [39; 43].

Неадаптивные тенденции личности экспериментально исследуются автором с начала 70-х годов. Многие из этих явлений описаны в книге «Человек над ситуацией» [31] и др. Эволюционные проблемы практически не затрагивались в наших книгах⁶. В отличие от автора этих слов, А.Г. Асмолов, основатель Школы антропологии будущего, и его коллеги развернули мощное движение по исследованию преадаптивности как эволюционного феномена, условий персонотенеза [4]. Особое значение идеи «преадаптивности» в контексте трансвитальности подчеркивается, на наш взгляд, тем, что преадаптивность «временна» тремя вариантами своего «разрешения» в эволюционном процессе (что еще раз подтверждает идею *многообразия, многовариантности* форм развития, защищаемую Асмоловым). Первая возможность — собственно *адаптивность* (т. е. адаптивность на новом витке, на что, похоже, прямо указывает слово «пре-адаптивность»). Вторая возможность — *деадаптивность* (деструкция). Третья возможность — *над-адаптивность*.

Последняя из названных — трансвитальна (не порождает будущий виток адаптивности), не производит образец для подражания, образует принципиально *неповторимое* бытие. Над-адаптивность

⁴ История активной неадаптивности (дерзости) деятельной науки и образования — отдельная тема, заслуживающая рассмотрения. Со слов А.В. Петровского, как историка психологии, я знаю, что на похоронах В.А. Сухомлинского вышестоящие инстанции не рекомендовали говорить о «нестандартных» воззрениях выдающегося педагога, но, к чести ученых, эта инструкция исполнена не была.

⁵ Естественно задаться вопросом, не играет ли автор романа с самим собой в лице персонажа? Не пытается ли сам с собой конфронтировать? Тут уж велик простор для проекций всевозможных «экспертов», как бы ни называли они себя — литературными критиками, литературоведами, персонетиками (Брудный [6]), психоаналитиками или, как автор, пишущий эти строки, — «персоналогами» [28; 33; 35]. Роман-то *диалогический*, финал романа — не точка, а вопросительный знак или многоточие.

⁶ Смелую попытку описать феномены первобытной культуры в контексте активной неадаптивности мы встречаем в книге А.А. Фараджева [40].

самоценна (существует «не-зачем»). Сравним ее с природным явлением — ветром: он «дует», но *не ради чего-то и не зачем-то*; «дует» *почему-то и куда-то*, что не мешает «ему» вращать лопасти мельницы (это — *действующая*, а не *целевая причина*, если следовать Аристотелю [3]).

Над-аптивность — не есть *норма*, однако, возможно, есть новая *ценность*: не служит интересам приспособления, ни к чему не «прилаживается»; при этом «сама» никому ничего не предписывает (не требует от других, чтобы кто-либо приспособлялся к ней, «адаптировался»).

Отметим, что человек, выходя за пределы необходимого и должного, за счет видимых другими людьми отличий, «входит» в другие миры — персонализируется, обретая второе бытие, бытие за пределами себя, свое идеальное бытие. Э.В. Ильенков определял *идеальное* как «бытие вещи вне вещи»; в данном случае речь идет о бытии индивида вне самого индивида, о его существовании в других людях, — об *ино-бытии* [10, с. 219–227]. Мы также используем здесь термин «персонализация», чтобы подчеркнуть обретение индивидом качества — «быть личностью».

1.2. Мета-витальное Я

Перед читателем — одна из так называемых «магических картинок» (рис. 1). Что видим? Если читателю хватит времени и усилий, то плоская картинка превратится для него в объемную, и наблюдателя ждет сюрприз.

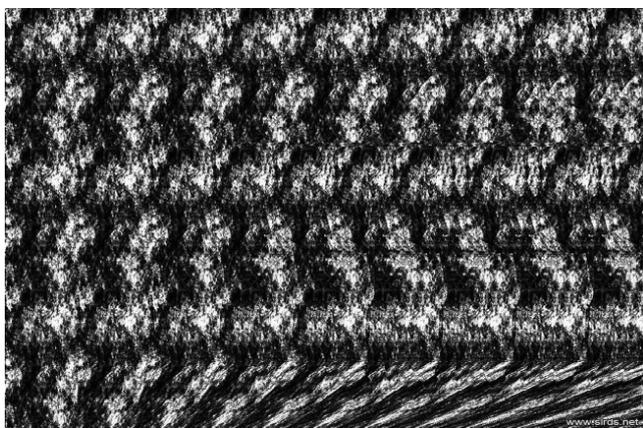

Рис. 1. Посмотрим сквозь эту картину вдаль — и будем вознаграждены тем, что увидим (если увидим)

Занятная метаморфоза имеет для нас дополнительный смысл. Психологически, помимо когнитивного парадокса, не менее интересным будет то, что человек, первым увидевший потаенный объект, станет убеждать другого человека, также созерцающего эту картинку, *непрерывно* разглядеть то, что ему довелось увидеть; будет делать все более настойчивые попытки «поделиться» своим опытом: «Ты посмотри, посмотри, ну вот же, вот!...» И это, похоже, — не альтруизм, но поиск подтверждения того, что он не обманывается в самом себе, полагая, что *видит*. В противном случае его Я для него — иллюзия, фантом, что-то сходное с псевдогаллюцинацией (в понимании В. Кандинско-

го). Действительно, феноменологически нечто существует *объективно*; это значит, что «не только я вижу это, но и кто-то другой, кого я вижу (или могу увидеть), видит то же самое»; и если для другого отсутствует *наблюдаемое* мной, то и я отсутствую для этого человека *как наблюдатель*: «меня нет в этот момент для него». Иными словами, признать себя существующим для других — это значит удостовериться в том, что видимый тобой мир (образ мира) существует для другого. Отсюда и настойчивое желание, чтобы другие люди видели то, что открывается мне.

Но как, в какой форме, мы ощущаем присутствие других людей в нас, их «субъектную отраженность»?

В «Трактате о жизни» Л.Н. Толстого читаем: «Брат умер, но та сила жизни, которая была в моем брате, не только не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, действует на меня. ... Его отношение к жизни позволяет мне уяснить мое отношение к жизни» [38, с. 412]. Но это не просто образ брата в моей голове, — это «работа», которую производит образ. Отраженная субъектность другого означает субъектность самого отражения — в виде того влияния, которое оказывает на нас образ другого. Человек уходит, а мы принимаем в себя витальность другого. Энергию его жизни.

Феномены влияния автор изучал эмпирически, в соавторстве с И.П. Гуренковой; использовалась предложенная автором модификация теста фрустрационных реакций Розенцвейга [см.: 37] (рис. 2):

Рис. 2. Тест Розенцвейга : а) обычный, б) — модифицированный [26, 1985].

«Наведенный» образ существенно изменяет характер реагирования испытуемых, например, возрастает экстрапунитивность (при том, что реакции на эти картины довольно устойчивы). Такие изменения затрагивают оригинальность ассоциаций на стимулы, тенденцию к риску, самооценку, восприятие себя в зеркале и даже перцептивные иллюзии.

Критически важный вопрос: что, если мое существование, в силу расхождения картин реальности, ставится под сомнение кем-то другим? Как быть в ситуации когнитивного диссонанса, который оборачивается чувством «упраздненности» себя под взглядом другого.

Общего решения нет, но существуют лишь некоторые подсказки к тому, чтобы избежать «травмы взаимонепонимания» [32].

1.3. Кросс-витальное Я

На рис. 3 изображен мужчина, показывающий пальцем на зрителя (в оригинальной версии — красноармеец с плаката времен Гражданской войны). На кого смотрит и показывает пальцем человек с плаката? Меняя позицию наблюдения, получаем разный ответ.

Рис. 3. «На кого смотрит дядя?»

Исследовалось, как дети в детском саду ощущают такой взгляд (не опубликованная магистерская диссертация [42])⁷.

Двум детям, сидящим на двух стульях, на некотором расстоянии друг от друга, показывали картину и спрашивали, «на кого смотрит дядя с портрета». Каждый ребенок, естественно, отвечал: «На меня!» Далее дети по указанию экспериментатора пересаживались, меняясь местами. При этом «дядя» «провозжал» каждого взглядом, «прицеливаясь» пальцем. Дети менялись местами, и вопрос повторялся. Каждый из них стоял на своем: «На меня!» Удивлялись, спорили, настаивали.

Иногда, однако, недоумение уступало место открытию: «Дядя смотрит *на нас*». Появлялась идея «МЫ», объединяющая тех, кто видит *разное*. Пятилетние дети «открывали» для себя М. Хайдеггера — феномен со-бытия (со-присутствия), «отношение присутствия к другому присутствию... Особенность со-присутствия заключается, кроме прочего, в том, что само присутствие по большей части не отделяет себя от тех, с кем оно со-присутствует, они составляют совместный мир» [41].

«Со-бытию» в старом русском в какой-то мере соответствовало слово «сам-друг». Оно означало: «на *пару*», «вдвоем (с кем-то)», «тет-а-тет», но также и — «особняком», «уединенно», «отдельно». В первом случае — не только констатация факта «я — не один», но и переживание общности с другим человеком, «я *плюс* другой». Во втором случае ударение падает на первую часть сложного слова: подчеркивается тот *факт*, что «я — один», «я сам себе друг (а не кто-то)», чувство *отсутствия* со мной кого-то другого: «я *минус* другой». Таким образом, в слове «сам-друг» сочетаются противоположные смыслы: и соучастность (полюс идентификации)⁸, и отличимость (полюс индивидуации, дистанцирования). Это слово потеряно, но, феноменологически, «сам-друг» в сознании людей присутствует, и, с некоторыми смысловыми потерями, замещается словом «мы»⁹.

Очевидно, догадка «МЫ» обязана своим появлением глубоко детскому ощущению, гораздо более раннему, чем возраст упомянутых испытуемых-дошкольников. З. Фрейд писал о спонтанном стихийном чувстве, которое, вслед за Р. Ролланом, называл «океаническим». В личной переписке с Фрейдом Роллан говорил о «простом и непосредственном

⁷ Результаты эмпирической оценки распространенности этого явления, зависимость от возраста детей и др. имеют предварительный характер, побуждая к продолжению магистерского исследования (прерванного по известным причинам в годы самоизоляции между 2021 и 2022 гг.).

⁸ Термин «соучастность» имеет свою предысторию. Его, со ссылкой на Радищева, предложил А.В. Петровский [23], как смысловой эквивалент того, что автор этих строк ранее обозначал как ДГЭИ — «действенная эмоциональная групповая идентификация» (с соответствующей операционализацией термина). «Этот параметр, — отмечает А. В. Петровский, — позволял выделить основные компоненты психологической характеристики изучаемого феномена и уже в самом себе содержал его развернутое описание. Тем не менее интересное психологическое явление, которое за ним стояло, обозначалось весьма многословно. В поисках более удачного обозначения мы обратились к понятию, часто встречающемуся в философских трудах выдающегося русского мыслителя А.Н. Радищева, — соучастованию. Суть соучастования в активном «сораздании» и сострадании. А.Н. Радищев писал: «Обыкнув себя применять ко всему, человек в страждущем зрит себя и боленует... Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится». Соучастование — это конкретный вид, один из возможных случаев, модификация более общей категории межличностных отношений — коллективистической идентификации» [23, с. 106]

⁹ Продвигаясь к «Мы», люди покидают позиции «я в тебе» и «ты во мне», и таким образом возникают «не-я» и «не-ты», а переживаемый «кто-то» в тебе и во мне — прототип Всеобщего Я (Абсолюта), принимающего в культуре различные формы; и среди них — «Всевидающего Ока», удостоверяющего человека в реальности (*ноуменальности*) его Я.

факте ощущения Вечного, которое лишено чувственных границ» и является «как бы океаническим...» [см. 21].

В.С. Мухина, существенно расширяя имеющиеся списки юнгианских архетипов, обращается к «архетипическим символам-местоимениям», заключающим в себе значения и смыслы социальных позиций людей по отношению друг к другу: «они», «мы», «я», «не-я», «Я и другие». При этом особое место в «великом идеополе культуры» занимают архетипы «они», «мы», «я» и «личность» [20].

Прислушиваясь к названным символам-местоимениям, признаем факт присутствия в нас переживания глубинной *общности* этих символов, единства «Я—Ты—Мы—Они» в чувстве всепроникающего океанического Я, образующего особый «архетип», лежащий в основе других. При этом в том случае, если человек *осознает* ранее не рефлекслируемое чувство «Мы», в его сознании поляризуются «Я» и «Ты». Так, в ситуации спасения любимого может возникнуть подтверждающая «теорию разумного эгоизма» иллюзия, будто человек действовал в своих эгоистических интересах, хотя в порыве он не различал между собой и другим, переживая общность как таковую [31]¹⁰.

В этом, как представляется, — ключ к пониманию «группового субъекта». Нам открывается кросс-бытийная общность различных Я, деятельное единство, основанное на до-рефлексивном «проигрывании-проживании» каждым из участников чувств каждого, и в этом смысле «схождение» индивидуальных волений в коллективную волю. Ни «центрация», ни «децентрация», но именно «Мы-центрация» (особое переживание, в котором сняты различия между «моим Я» и «твоим Я») образует «субстрат» коллективного субъекта.

И в этом контексте «Я емь» означает часть коллективного МЫ, групповой субъектности — часть «всеединства».

2. Тема бессмертия

Рассматривая возможные формы существования трансвита́льного Я, «вдогон» вопросу о «трансвита́льных смыслах», исследователь неизбежно сталкивается с вопросом о смысле самой трансвита́льности и о том, имеется ли этот смысл в принципе? Предлагаемый автором ответ на этот вопрос имеет гипотетический и притом эмпирически не верифицируемый характер, но и имеет под собой интуитивные и культурно-феноменологические основания. Этот ответ: «Бессмертие», что образует интенци-

ональную общность трех выделенных ипостасей трансвита́льного Я. Обретение «земного бессмертия» уже рассматривалось нами ранее на примере потребности и способности персонализации [25; 22]. Но тема бессмертия в контексте трансвита́льного Я этим не ограничивается. Каждая из его ипостасей задает свой способ решения. Приведем некоторые примеры как материал (и стимул) к дальнейшим исследованиям проблемы.

Над-вита́льное Я: предощущение бессмертия. Ограничимся здесь двумя феноменологическими открытиями А.С. Пушкина из «Пира во время чумы»:

Все-все, что смертию грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
их обретать и ведать мог».

Подчеркиваем здесь парадокс превращения угрозы смерти (обрыв витальности бытия) в залог бессмертия. Еще несколько известных строк:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы».

Здесь также у Пушкина — «залог бессмертия» на границе между жизнью и смертью, упоение на границе «вита́льное-летальное», яркий пример бессмертия трансвита́льного Я.

Мета-вита́льное Я: бессмертие как инобытие. Вернемся к словам Толстого об ушедшем близком. Всегда ли «его отношение к жизни позволяет мне уяснить мое отношение к жизни»? Потенциально — да! Однако из людей-наследников жизни ушедших близких улавливают в себе «возрастающую силу жизни» тех, кто ушел. Какой урок из сказанного можно вынести в отношении бессмертия?

Этот вопрос уместен в условиях психологического консультирования. Пример автора из собственного опыта работы (формулировки изменены, диалог трансформирован в монолог, но смысл тот же): «Вас покинули близкие, но они, согласитесь, стали Вам теперь еще ближе! — Они живут в Вас, не препятствуют этому. Не слушайте тех, кто советует распрощаться «целованием», как учат некоторые мои коллеги, транзакционные аналитики! Подумайте, что ушед-

¹⁰ В наших работах [30; 31] отмечалась целесообразность различения качеств «первого» и «второго» рода в феноменальном поле индивидуума. Качества первого рода (геометрические представления, красное, боль и т. п.) в момент рефлексии не подвергаются феноменологической трансформации; качества второго рода, подобно микрообъектам в физике, становясь предметом активного исследования (рефлексии), претерпевают определенные изменения: рефлекслируемое оказывается небезучастным к самой рефлексии. К категории качеств второго рода может быть отнесено и чувство общности с миром (Ж.П. Сартр), в том числе — общности с другими людьми. Как то, так и другое в момент рефлексии может вести к распаду переживаемой слитности с миром, и в этом процессе рождается отношение *субъект—объект* или соответственно *я и другой (другие)*.

шие сказали бы Вам сейчас, если бы увидели, как Вы в страдании отказываетесь жить, «в память о ближнем». И если бы Вам удалось, допустим, «озвучить» голоса близких, которые, уйдя, стали сейчас Вам ближе, то в этом случае Вы ощутили бы, как важно Вам жить, так как теперь не только Вы, но и живущие в Вас близкие требуют от Вас этого.»

Однако подлинное земное бессмертие тех, кто ушел, точнее «перешел» в жизнь других людей, состоявшаяся трансвитаальность, подразумевает нечто большее, чем деятельная память о тех, кого нет физически рядом. Важно, чтобы «уходящие» знали, чувствовали, что они остаются (если это будет достигнуто, то кто в этом случае осмелится утверждать, что их *нет?* — Только чужие!). Полагаю, что в детском возрасте подобный образ земного бессмертия («я останусь живущим!») возможен на уровне чувств, а не только рационального предвосхищения. Будущие исследования должны показать, существует ли, и в какие периоды детства, особая чувствительность детей к восприятию этой идеи, — могут ли быть выделены сензитивные периоды для формирования подобного предугадывания-предчувствия (автор не затрагивает здесь проблему веры, бессмертия души, в различных религиозных конфессиях).

Кросс-витаальное Я: бессмертие как всебытие. Чувство МЫ не ограничивается масштабами диад, триад, контактных групп любой численности. Оно простирается за пределы пространства физического взаимодействия между людьми. Особый феномен — контакты «сквозь время» с теми «дальними», кого сближают общее дело, интересы, устремления.

Так, когда ученый совершает открытие, он, сквозь пространство и время, «соприкасается» с теми, с кем общается (может быть, мысленно), кому отвечает своим творчеством и кого сам готов развивать в своих трудах. Точкой контакта является само открытие. Оно объединяет человека не только с теми, кто участвовал в поиске, но и с истиной как таковой, существующей вне времени. К примеру, математические открытия всегда отражают то, что предсуществует познанию. Условно говоря, теорема Пифагора существовала до Пифагора; геометрические отношения, открытые им, были, есть и будут всегда; они пребывают не в «тварном» (физическом) времени, а в «вечности» («бытие, которое имеет своей мерой вечность, не подвержено никаким изменениям и не соединимо с ними», — писал средневековый философ Фома Аквинский [1]. Теперь уже сам ученый, как и его предшественники, существуют для него «сквозь время».

Речь, очевидно, не только об открытиях философов, ученых, художников, поэтов. К тому же роду явлений относятся свидетельства истории, живущие в памяти людей, феномены межпоколенной преемственности, «предания старины», если потомки еще не успели предать их в ответ на вызовы современности.

Сказанное могло бы напомнить читателю идею «ноосферы» В.И. Вернадского. Но аналогия с ноосфе-

рой, высшим состоянием биосферы, имела бы в этом случае чисто внешний характер, не выражая сути трансвитаального Я. Геологические (Вернадский), и теологические (Э. Леруа, Т. Тарден) представления здесь были бы неуместны. Еще менее адекватны в этом контексте упоминания оккультных практик, паранаучных концепций, феноменов ясновидения, завораживающих сознание мистерий «общения с мертвыми». Кросс-витаальное Я, заключающее в себе идею бессмертия, есть феномен всеединства (всебытия) людей разных времен и пространств, ощущение общности (единосущности) всех со всеми, переживаемое единство, опосредованное «великим идеополем культуры».

«Дух человека... проникает своим острием в прошлое, в будущее, в далекие страны, ...всегда парадоксален, всегда неожидан... человек может забыть о своем прошлом... он может переехать в другой город, он может изменить свое имя, он может многое изменить. Но это не убьет его самого, потому что он-то сам остается, вот это его “Я”» [19].

Есть, по-видимому, одна общая черта, роднящая всех, кто обретает меж-пространственный и сквозь-временной статус своего бытия в мире. Рискнем сказать об этом так: *избыток жизни*, присутствующий в трансвитаальности:

Как заблудившийся на волю из чащоб
желает вырваться,
так хочется
ЕЩЁ!..

Концы с концами не свести по смете,
чтоб оставалось сальдо
на бессмертье.

Необходим,
когда закончен путь,

избыток жизни,
чтоб перешагнуть.

3. Знак трансвитаального Я

Идея трансвитаальности скрыто присутствовала в культуре всегда, как указание на некую целостность, особое качество существование человека, но требовалось *слово* для обозначения этого качества.

Возможно, что со временем, помимо *слова «трансовитаальность»*, точнее *текста*, как «машины по производству смыслов» (В.С. Собкин), появится также *визуальный знак* трансвитаальности, новое «стимул-средство» (Л.С. Выготский) полагания себя в бытии, уводящее человека за пределы свойственных ему *ограниченных* отношений с миром, точка «сборки» многого и многих — по В.Т. Кудрявцеву [15]. Например, — такой знак (с комментариями в правой части диаграммы «Ин и Янь» и под ней) (рис. 4)

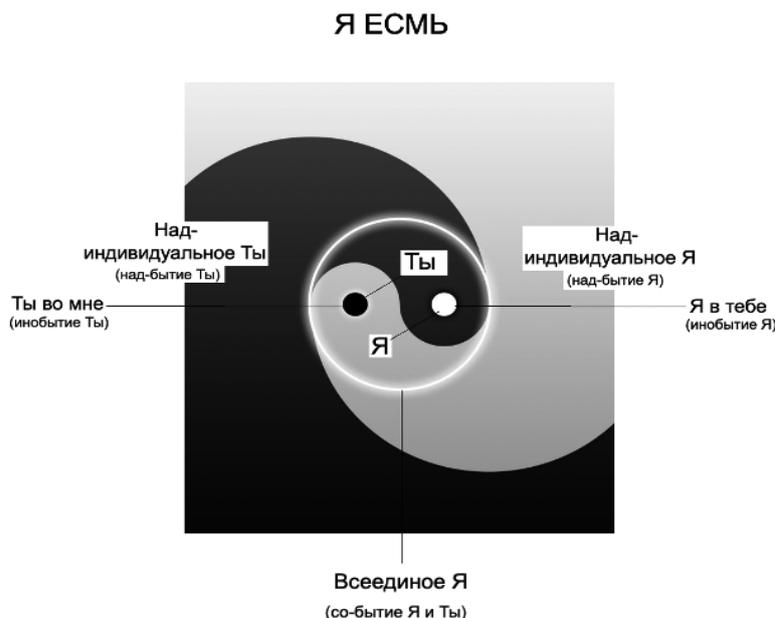

Рис. 4. Трансвита́льное Я (комментарии справа от рисунка и под ним)

Литература

References

1. Аквинский Ф. Сумма теологий, I, ч. 10,5 с.
2. Акопян Л.С. Трансвита́льность как смысловое образование личности в позднем возрасте // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 4(9). С. 11–15.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
4. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–27.
5. Богоявленская Д.Б. Метод исследования уровней интеллектуальной активности // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 144–146.
6. Брудный А. А. Персонетика. Проект «Глубокий рейд». М.: Лабиринт, 2003. 256 с.
7. Вдовенко А. «Общество еще не готово к неевклидовой геометрии», или Почему Николай Лобачевский так и не получил научного признания при жизни. <https://knife.media/lobachevskii/>
8. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д: Феникс. 1998. 480 с.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. Глава седьмая. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
10. Ильенков Э.В. Идеальное. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. 576 с.
11. Кagan В.Ф. Лобачевский. М.; Л.: АН СССР, 1948. 520 с.
12. Кандинский В.Х. О псевдогаллюцинациях. Критико-клинический этюд. СПб.: Издание Е.К. Кандинской, 1890. 164 с.
13. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Тайм-аут, 1993. 300 с.
14. Корнилова Т.В. Целеобразование в «диалоге» с ЭВМ и в условиях общения: канд. дисс. ... психол. наук. 1980.
15. Кудрявцев В.Т. Воображение — «третий глаз культуры» // Вестник РГГУ № 1. Серия V «Педагогика. Психология. Образование». М.: 2015. С. 12–24.
16. Кудрявцев В.Т. Выбор и надситуативность в творческом процессе: опыт логико-психологического

1. Aquinas F. Summa teologii [Sum of theologies]. I, ч. 10,5 p. (In Russ.)
2. Akopyan L.S. Transvital'nost' kak smyslovoe obrazovanie lichnosti v pozdnem vozraste [Transvitality as a semantic formation of a personality at a later age]. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik [Volga Pedagogical Bulletin]*, 2015, no. 4 (9), pp. 11–15. (In Russ.)
3. Aristotle. Sochineniya v 4 t. T. 1. [Works in 4 volumes. T. 1]. Moscow. *Mysl' = Thought*, 1975. 550 p. (In Russ.)
4. Asmolov A.G., Shekhter E.D., Chernorizov A.M. Preadaptaciya k neopredelennosti kak strategiya navigacii razvivayushchihsysa sistem: marshruty evolyucii [Preadaptation to uncertainty as a strategy for navigating developing systems: routes of evolution]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2017, no. 4, pp. 3–27. (In Russ.)
5. Bogoyavlenskaya D.B. Metod issledovaniya urovnej intellektual'noj aktivnosti [Method for studying the levels of intellectual activity]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1971, no. 1, pp. 144–146. (In Russ.)
6. Brudny A.A. Personetika. Proekt «Glubokij rejd» [Personetics. Project “Deep Raid”]. *Labirint [Labyrinth]*, 2003. 256 p. (In Russ.)
7. Vdovenko A. «Obschestvo eshche ne gotovo k neevklidovoj geometrii», ili Pochemu Nikolaj Lobachevskij tak i ne poluchil nauchnogo priznaniya pri zhizni [“Society is not yet ready for non-Euclidean geometry”, or Why Nikolai Lobachevsky never received scientific recognition during his lifetime]. Available at: <https://knife.media/lobachevskii/> (In Russ.)
8. Vygotsky L.S. Psihologiya iskusstva [Psychology of art]. Rostov-na-Donu: “Phoenix”. 1998. 480 p. (In Russ.)
9. Vygotsky L.S. Myshlenie i rech'. Glava sed'maya. [Thinking and speech. Chapter seven]. *Moscow: Labirint*, 1999. 352 p. (In Russ.)
10. Ilyenkov E.V. I Ideal'noe [Ideal]. *Filosofskaya enciklopediya. V 5 tomah*. T. 2, Moscow, 1962. 576 p. (In Russ.)
11. Kagan V.F. Lobachevskij [Lobachevsky]. *AN USSR. Moscow*, 1948. 520 p. (In Russ.)
12. Kandinsky V. O psevdogallyucinaciyah. Kritiko-klinicheskij etjud. [About pseudohallucinations. Critical-clinical study]. Petersburg.: *Izdanie E. K. Kandinskoj*, 1890. 164 p. (In Russ.)

- анализа // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 1. С. 16–29.
17. Максимова С.В. Творчество: созидание или деструкция? М.: Академический проект, 2020.
18. Манделштам О. Я слово позабыл... Собрание сочинений: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999.
19. Мень А. Бессмертие души. Первая лекция из цикла «Жизнь после жизни», прочитанная в ДК Серафимовича 8 декабря 1989 г.
20. Мухина В.С. Уникальный диапазон понятия «архетип» // Развитие личности. 2014. № 4. С. 163.
21. Петров В.В. «Океан бытия, жизни и разума» в философской, мистической и психоаналитической традициях // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. 944 с.
22. Петровский А.В., Петровский В.А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1984. № 3. С. 44–53.
23. Петровский А.В. Психология в России: XX век. М.: Изд. УРАО. 2000. 312 с.
24. Петровский В.А. К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3.
25. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2.
26. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17–30.
27. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., Горбунок. 1992. 224 с.
28. Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. Выпуск: Актуальные проблемы психологии. Самарский регион, 2003. С. 20–30.
29. Петровский В.А. Активность, деятельность, индивидуальность: между вчера и завтра (методологические заметки) // Мир психологии. 2020. № 2(102). С. 20–31.
30. Петровский В.А. «Я» в персонологической перспективе. М., 2013.
31. Петровский В.А. Человек над ситуацией. 2-е изд. М.: Смысл, 2021.
32. Петровский В. О травме взаимонепонимания. <https://psy.su/feed/10109/>
33. Петровский В.А. Активность, деятельность, индивидуальность: между вчера и завтра (методологические заметки) // Мир психологии. 2020. № 2(102). С. 20–31.
34. Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Том 9. № 1. С. 21–39.
35. Пушкин В.Н. Об изучении мышления как процесса // Вопросы психологии. 1969. № 6. С. 20–36.
36. Старовойтенко Е.Б. Общая персонология. М.: Академический проект, 2023. 582 с.
37. Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. ЛитРес: 11 октября 2012. 680 с.
38. Тарабрина Н.В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций: метод. рекомендации. Л., 1984.
39. Толстой Л.Н. Полн. Собр. соч.: в 90 т. Т. 26. М.: Художественная литература, 1956.
40. Шмелев И.М. Соотношение типов религиозности и способов разрешения трудных жизненных ситуаций: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017, 29 с.
41. Фараджев А.А. Зарождение неадаптивного поведения в первобытности. М.: Изд. Центр «Свет»; СПб: Свет, 2021. 124 с.
42. Фрумкин К. (сост.) Словарь хайдеггерианских терминов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/248604/>
13. Kant I. Kritika chistogo razuma. [Criticism of Pure Reason]. *Tajm-aut, Petersburg*, 1993. p. 300 (In Russ.).
14. Kornilova T.V. T Celeobrazovanie v “dialoge” s EVM i v usloviyah obshcheniya. [Arget formation in “dialogue” with a computer and in the conditions of communication]. *PhD thethesis*, 1980. (In Russ.).
15. Kudryavtsev V.T. Vooobrazhenie — «tretij glaz kul'tury» [Imagination — the “third eye of culture”]. *Vestnik RGGU № 1, Seriya V «Pedagogika. Psihologiya. Obrazovanie»*. Moscow 2015, pp. 12–24. (In Russ.).
16. Kudryavtsev V.T. Vybor i nadsituativnost' v tvorcheskom processe: opyt logiko-psihologicheskogo analiza. [Choice and oversituativity in the creative process: an experience of logical and psychological analysis]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 1997. Vol. 18. 1997, no. 1, pp. 16–29. (In Russ.).
17. Maksimova S.V. Tvorchestvo: sozidanie ili destrukciya? [Creativity: creation or destruction?]. *Academic project = Academic project*. Moscow, 2020. (In Russ.).
18. Mandelstam O. YA slovo pozabyl... Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah. [I forgot a word]. Moscow: *Art-Biznes-Centr*, 1993–1999. (In Russ.).
19. Men A. Bessmertie dushi. Pervaya lekciya iz cikla “Zhizn' posle zhizni”, pročitannaya v DK Serafimovicha 8 dekabrya 1989 g. [Immortality of the soul. The first lecture from the cycle “Life after life”, read in the Serafimovich Palace of Culture on December 8, 1989]. (In Russ.).
20. Mukhina V.S. Unikal'nyj diapazon ponyatiya «arhetip». [The unique range of the concept of “archetype”]. *Razvitie lichnosti [Development of personality]*, 2014, no. 4, pp. 163.
21. Petrov V.V. «Okean bytiya, zhizni i razuma» v filosofskoj, misticheskoj i psihoanaliticheskoj tradicijah. [“Ocean of being, life and mind” in the philosophical, mystical and psychoanalytic traditions]. *Mera veshchej. Chelovek v istorii evropejskoj mysli. Pod obshchej redakciej G.V. Vdovinoj*. Moscow: Akvilon, 2015. 944 p. (In Russ.).
22. Petrovsky A.V., Petrovsky V.A. Individ i ego potrebnost' byt' lichnost'yu. [The individual and his need to be a personality]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 1984, no. 3, pp. 44–53. (In Russ.).
23. Petrovsky A.V. Psihologiya v Rossii: XX vek. [Psychology in Russia: XX century]. Moscow: *Ed. URAO*, 2000. 312 p. (In Russ.).
24. Petrovsky V.A. K psihologii aktivnosti lichnosti. [On the psychology of personality activity] *Voprosy psihologii*, 1975, no 3. (In Russ.).
25. Petrovsky V.A. K ponimaniyu lichnosti v psihologii. [To the understanding of personality in psychology]. *Voprosy psihologii*, 1981, no. 2 (In Russ.).
26. Petrovsky V.A. Princip otrazhennoj sub"ektnosti v psihologicheskom issledovanii lichnosti [The principle of reflected subjectivity in the psychological study of personality]. *Voprosy psihologii*, 1985, no. 4, pp.17–30. (In Russ.).
27. Petrovsky V.A. Psihologiya neadaptivnoj aktivnosti [Psychology of non-adaptive activity]. *Gorbunok*. Moscow, 1992. 224 p. (In Russ.).
28. Petrovsky V.A. Obshchaya personologiya: nauka lichnosti [General personology: the science of personality]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk Spec. Vypusk «Aktual'nye problemy psihologii»*. *Samarskij region*. Samara region, 2003, pp. 20–30. (In Russ.).
29. Petrovsky V.A. Aktivnost', deyatel'nost', individual'nost': mezhdv vchera i zavtra (metodologicheskie zametki). [Activity, object activity, individuality: between yesterday and tomorrow (methodological notes)]. *Mir psihologii [World of Psychology]*, 2020, no. 2 (102), pp. 20–31. (In Russ.).
30. Petrovsky V.A. «YA» v personologicheskoj perspektive [“I” in a personological perspective]. *Moscow: Izdatel'skij dom «Vyshej shkoly ekonomiki»*, 2013 (In Russ.).

43. Эргашева Р.С. Способность децентрации при смене позиции воображаемого наблюдателя» / Магистерская диссертация. Департамент психологии. Факультет социальных наук НИУ ВШЭ, 2021. 105 с.
44. Petrovskiy V., Shmelev I. Personology of Difficult Life Situations: At the Intersection of Three Cultures // *Psychology // Journal of the Higher School of Economics*. 2019. Vol. 16. № 3. P. 408–433.
45. Poddiakov A. Creativity of creativity researchers: Invention of problems and experimental objects to study thinking // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2023. Vol. 57. № 1. P. 43–64.
31. Petrovsky V.A. СHеловек над ситуацией. Второе издание [Man over the situation. Second edition]. Moscow. 2021 (In Russ.).
32. Petrovsky V. O travme vzaimoneponimaniya. [On the trauma of mutual misunderstanding]. Available at: URL: <https://psy.su/feed/10109/> (Accessed 02/07/2023) (In Russ.).
33. Петровский В.А. Активность, деятельность, индивидуальность: между вчера и завтра (методологические заметки) // *Мир психологии*. 2020. № 2(102). С. 20–31.
34. Petrovsky V.A., Starovoitenko E.B. Nauka lichnosti: chetyre proekta obshchej personologii [The Science of Personality: Four Projects of General Personology]. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 21–39. (In Russ.).
35. Pushkin V.N. Ob izuchenii myshleniya kak processa [On the study of thinking as a process]. *Voprosy psihologii [Questions of Psychology]*, 1969, no. 6, pp. 20–36. (In Russ.).
36. Starovoitenko E.B. Obshchaya personologiya [General personology]. *Akademicheskij projekt [Academic project]*. Moscow. 2023. 582 p. (In Russ.).
37. Taleb N.B. СHernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti [Black Swan. Under the sign of unpredictability]. *LitRes*: 11october 2012. 680 p. (In Russ.).
38. Tarabrina N.V. Experimental-psychological method of studying frustration reactions: Guidelines. L., 1984. (In Russ.).
39. Tolstoy L.N. Full. Sobr. cit.: In 90 t. Moscow: Fiction, 1956. Vol. 26. (In Russ.).
40. Shmelev I.M. Sootnoshenie tipov religioznosti i sposobov razresheniya trudnyh zhiznennyh situacij. avtoref. diss. na soisk. uch. st. kand. psihol. nauk [Correlation of types of religiosity and ways of resolving difficult life situations]. Moscow, 2017. 29 p. (In Russ.).
41. Faradzhev A.A. Zarozhdenie neadaptivnogo povedeniya v pervobytnosti [The origin of non-adaptive behavior in primitiveness]. *Izd. Centr «Svet» = Ed. Center “Light”, Moscow; St. Petersburg, 2021. 124 s.* (In Russ.).
42. Frumkin K. (comp.) Slovar' hajdeggerianskih terminov [Dictionary of Heideggerian terms] [Electronic resource]. Access mode: <https://www.twirpx.com/file/248604/> (In Russ.).
43. Ergasheva R.S. Sposobnost' decentracii pri smene pozicii voobrazhaemogo nablyudatelya». Magisterskaya dissertaciya [Sposobnost' decentracii pri smene pozicii voobrazhaemogo nablyudatelya». *Departament psihologii. Fakul'tet social'nyh nauk NIU VSHE = Department of Psychology HSE Faculty of Social Sciences*, 2021. 105 p. (In Russ.).
44. Petrovskiy V., Shmelev I. Personology of Difficult Life Situations: At the Intersection of Three Cultures. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2019. Vol. 16, no. 3, pp. 408–433. (In Russ.).
45. Poddiakov A. Creativity of creativity researchers: Invention of problems and experimental objects to study thinking. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2023. Vol. 57, no. 1, pp. 43–64. (In Russ.).

Информация об авторах

Петровский Вадим Артурович, доктор психологических наук, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

Information about the authors

Petrovskiy Vadim Arturovich, доктор психологических наук, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

Получена 08.09.2023

Принята в печать 25.09.2023

Received 08.09.2023

Accepted 25.09.2023